

О Джеймсе Гротштейне

Американский психиатр и психоаналитик Джеймс Гротштейн родился в 1925 году в Огайо. Пытливый и ненасытный читатель, интересующийся самыми разными областями знаний, он также был плодовитым писателем: опубликовано более двухсот пятидесяти его статей, а также двенадцать книг, в которых он выступает, как автор или редактор. Он сыграл ключевую роль во внедрении кляйнианских идей в калифорнийский психоанализ, а также был страстным последователем теорий Биона. В течении нескольких лет Гротштейн занимал должность вице-президента Североамериканской международной психоаналитической ассоциации (IPA) и состоял в редакционной коллегии «Международного журнала психоанализа» (IJP).

Джеймс Гротштейн вел частную практику, а также был профессором клинической психиатрии в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе.

Неизменно энергичный и увлеченный своей работой, Гротштейн даже в последние месяцы жизни продолжал писать, читать лекции, супервизировать кандидатов в аналитики и принимать пациентов. Альберт Мейсон, бывший аналитик и супервизор Гротштейна, называл его «неутомимым». Гротштейн смотрел на жизнь с огромным оптимизмом, обладал живым чувством юмора, любил каламбуры и игру слов, а также обожал теннис. Джеймс Гротштейн умер в возрасте восьмидесяти девяти лет 30 мая 2015 года в своем доме в Лос-Анжелесе.

Обучение и начало работы

Гротштейн учился в Университете Акрон, штат Огайо, получил докторскую степень в университете Вестерн Резерв и завершил психиатрическое образование в больницах Чикаго, Пенсильвании и Лос-Анжелеса. С 1955 до 1961 год он обучался психоанализу в Психоаналитическом Сообществе и Институте Лос-Анжелеса (LAPSI, сейчас – Новый центр психоанализа). Затем он там же

прошел супервизию, а потом проходил супервизию в Психоаналитическом центре Калифорнии (РСС). Более пятидесяти лет Гротштейн занимался частной практикой, и особенно его интересовали пограничные и нарциссические расстройства. В своих книгах он часто обращается к теоретическим и клиническим вопросам, окружающим эти сложные заболевания.

Он был одним из первых аналитиков в США, начавшим серьезно применять теории Мелани Кляйн, и старался создать диалог между ее идеями и традиционными для США аналитическими течениями – такими как эго-психология, которая была широко распространена в Соединенных Штатах в середине двадцатого века. В начале шестидесятых годов Гротштейн и еще несколько аналитиков попросили известных кляйнианских мыслителей провести семинары в Лос-Анжелесе. На эти семинары приехали такие известные аналитики, как Герберт Розенфелд, Ханна Сегал, Дональд Мельтцер, Альберт Мейсон, Ганс Торнер, Бетти Джозеф и Уилфред Бион. Знакомство с этими теоретиками оказало на Гротштейна огромное влияние, и в результате он, в свою очередь, стал значимым учителем кляйнианской теории в США.

Психоаналитическая «мультиязычность»

Гротштейн изучал самые разные области знаний – как внутри психоанализа, так и вне его – и из этого произошло его постоянное страстное желание связать различные концепции, которые многим казались несовместимыми. Он считал, что обладает психоаналитической «мультиязычностью» и писал: «Сам я кляйнианец, но у меня бионианский акцент. Я свободно говорю на винникотском и фэйрбернском, а лаканский знаю похуже. Но я не хочу проводить анализ, не чувствуя за своим плечом Кохута – одного из моих бесценных проводников». Изначально Гротштейн проходил анализ у последователя Фейрберна, затем обучался распространенной в США эго-психологии. Но, открыв для себя работы Кляйн и посткляйнианцев, он продолжал находить способствующие развитию точки соприкосновения между различными теоретическими моделями. Он с радостью использовал идеи, которые были полезны для него как для мыслителя и клинического

специалиста, и не придавал значения тому, из какой «школы» они происходят. Однако Гротштейн осознавал, что кляйнианская и бионианская теории сформировали основу его воззрений и клинической практики, о чем написал и в книге «...Но в то же время на другом уровне...»:

Я пришел к выводу, что кляйнианская техника, обогащенная плодотворным вкладом Биона, составляет основную и фундаментальную технику психоаналитического лечения, поскольку она способна фокусироваться на ранних и частично-объектных (доэдипальных) уровнях архаичной ментальной жизни и рассматривать младенческий опыт в терминах бессознательной фантазии. Это особенно относится к вере маленького ребенка в собственное всемогущество и во всепроникающее воздействие на объекты.

Кляйн и Блон

С самой первой встречи с работами Биона Гротштейн стал преданным сторонником его идей. Гротштейн проходил у него и супервизию, и анализ. Этот анализ оказался полезным и вдохновляющим опытом, который длился шесть лет. В дальнейшем Гротштейн не переставал изучать теоретические работы Биона, отзываться и писать о них. В конце жизни он говорил, что идеи Биона являются непревзойденными по глубине и широте. Временами трудно понять, насколько он считал взгляды Кляйн и Биона совпадающими, а насколько – расходящимися; Гротштейн внес богатый и многоуровневый вклад в этот непрекращающийся диалог теорий. Его размышления всегда очень вдумчивые, основанные на понимании теории, они способствуют лучшему пониманию идей авторов и приносят нечто новое.

То, как Блон преобразил концепции Кляйн и Фрейда, часто приводило Гротштейна в смятение, но одновременно и очаровывало. Его завораживала философская (или даже духовная) концепция «О» Биона, попытка описать окончательную трансцендентную истину, до которой никто из нас не может дотянуться. В своих ра-

ботах Гротштейн снова и снова возвращался к этой идее, и в последние годы все чаще обращался к поздним работам Биона – к амбициозным, далекоидущим и часто загадочным попыткам ухватить самую неясную и невыразимую область бессознательного.

Элеанор Сэймбридж Бертон, 2018

Благодарности

Я в долгу перед многими людьми, вдохновившими меня на эту работу. Хочу поблагодарить своих персональных аналитиков Роберта Джокла, Айвена Магуира, Уилфреда Биона и Альберта Мейсона, а также своих супервизоров и учителей в Психоаналитическом Сообществе/Институте Лос-Анжелеса и многих других аналитиков, кляйниацев, посткляйнианцев и бионианцев. Я также хочу поблагодарить коллег, предоставивших мне материалы и истории случаев, которые я использовал в этой книге. Отдельно хочу поблагодарить Рональда Бриттона, Томаса Огдена, Антонино Ферро, Альберта Мейсона и Шелли Аланати за поддержку и разрешение использовать примеры из их клинической практики.

Я также в долгу перед Ракел Акерман, Джозефом Агуайо, Афсане Алисобани, Элизабет Кларк, Эдмундом Коэном, Джеффри Итоном, Майклом Игеном, Даниэлем Фастом, Маурин Фране, Юджени Френч, Чандрой Галфрид, Дженис Голдмен, Мартой Хоахим, Джудом Джурезом, Андре Каном, Лейлой Кунзел, Дженнифер Лангам, Говардом Левином, Робертом Элснером, Муррей Пеппер, Ли Раттером, Паоло Сандлером, Кирстеном Шванке, Давидом Тресаном и Лизой Янгман.

Предисловие

Эта книга составлена как учебное пособие и руководство для начинающих, призванное разъяснить основные принципы, которым следует психоаналитик или психотерапевт, создавая и поддерживая атмосферу анализа, слушая и обдумывая свободные ассоциации пациента (клиента) и в итоге предлагая интерпретации. Мы будем рассматривать кляйнианский/бионианский подход, в том числе современное лондонское посткляйнианство и взгляды кляйнианцев и бионианцев из других регионов. В данной книге мы отдаем должное фундаментальным трудам Кляйн, вспоминаем о том, какой вклад они внесли в развитие психоанализа, и разбираем, как этот вклад проявляется в современном (пост-) кляйнианском и бионианском подходах.

Термин «посткляйнианство» (в том смысле, в котором его употребляют современные лондонские аналитики) подразумевает, что между современным кляйнианством и подходом Мелани Кляйн существует разрыв. Я, как и Рой Шефер (Schafer, 1992), считаю более уместным термин «современные лондонские кляйнианцы» – он лучше отражает суть вещей, ведь подход нынешних аналитиков – это скорее *усовершенствование*, а также расширение и углубление, а не изменение исходных разработок Кляйн. Но поскольку современные лондонские кляйнианцы предпочитают называть себя «посткляйнианцами», то я тоже буду называть их так. Кроме того, нельзя отождествлять «бионианцев» с «кляйнианцами» и «посткляйнианцами». В последнее время работы Биона получили широкое признание в аналитическом мире за пределами Лондона – и среди кляйнианцев не из Лондона и среди представителей других школ. Из-за этого термин «кляйнианский/бионианский» означает в Лондоне одно, а за его пределами – совсем другое. Я постараюсь объяснить эту аномалию.

Эта работа писалась в период расцвета – а затем и заката – «классической» кляйнианской теории и техники, которая разбирала инфантильные состояния ума, сопровождавшиеся обозначением частичных объектов, и фокусировалась на реконструкциях и

анализе ассоциаций пациента. За это время появились воззрения современных лондонских посткляйнианцев. Их последователи отмеживались от классических взглядов и начали думать, говорить и интерпретировать, используя новый жаргон, фокусирующийся на сложности *процесса* переноса/контрпереноса «здесь и сейчас». При этом особое внимание уделяется действиям анализанта и аналитика. Здесь нет обозначения частичных объектов, они задействованы целиком. Позже мы еще поговорим об этом, а пока хочу просто упомянуть, что мне это напоминает серьезную театральную пьесу, в которой анализант и аналитик часто играют скрытые роли, которые давно предсказал Сандлер (Sandler, 1976) и которые сейчас находятся в центре внимания семинара Бетти Джозеф (Hargreaves & Varchevker, 2004).

Я не отрицаю эти тонкие и сущностные изменения в теории, технике и профессиональном жаргоне, но считаю, что современные лондонские посткляйнианцы фокусируются на классической теории частичных объектов и инфантилизма (и, следовательно, хорошо в ней разбираются), и эта теория эффективно заполняет фон, а иногда и передний план их мышления и стиля интерпретаций. Другими словами, я считаю, что классическая теория занимала важное место в период их обучения, до того, как они отвергли ее ради нового подхода.

Эта работа разделена на два тома. В первом томе рассматриваются техники основанные на кляйнианской, посткляйнианской и бионианской теориях, и при этом внимание уделяется только тем аспектам теории, которые являются основой коллективной эпистемы и которые применяются в клинической практике; во втором томе мы вкратце расскажем о клиническом применении кляйнианских/бионианских техник и проиллюстрируем это примерами из практики.

Более широкий диапазон психоаналитических техник рассматривался другими авторами, но, на мой взгляд, никто не делал это в виде инструкции, руководства к действию: как найти подход к пациенту, как слушать (и активно, и пассивно), как обдумывать аналитическую ситуацию и как взаимодействовать с пациентом. Данная работа – первая попытка создать такое руководство, но в дальнейшем я продолжу работать в этом направлении и по-

стараюсь рассказать о более сложных и проблематичных аспектах терапевтических техник. *Данная работа – это первая проба.*

Предостережение. Читатель может заметить, что в этой книге я часто повторяюсь. Тут стоит вспомнить слова Лакана, который говорил, что когда мы повторяемся, мы каждый раз делаем это по-разному.

Предостережение. В первоначальной версии этой работы я пытался выровнять гендерную терминологию и использовал мультигендерные местоимения: «он(а)», «его/ее», «ему/ей». Но многие из тех, кому я дал прочесть рукопись, раскритиковали такую терминологию, отметив, что хотя она точная и подходит ситуации, она все же слишком громозкая и затрудняющая чтение. Поэтому я с неохотой решил использовать местоимения и прилагательные только в мужском роде, за что прошу прощения у женской аудитории. Когда-то в психоанализе доминировали мужчины. Теперь появилась тенденция к женскому доминированию. Пациенты и тогда и сейчас в большинстве своем были женщинами. Поэтому еще раз выражаю сожаление и прошу прощения!

Введение

Почти полвека я занимался психоанализом и психоаналитически ориентированной психотерапией и в последнее время начал чувствовать, что пришло время поделиться своим опытом. Нашей профессии свойственно одиночество, и, хотя мы регулярно или периодически посещаем конференции и семинары, я считаю, что мы слишком мало делимся плодами своей работы, особенно тем, что мы *усвоили* в ходе работы. Поэтому в этой книге я изложу размышления по поводу своей практики, а также работы моих супервизируемых и наблюдений за коллегами. Надеюсь, читатели заинтересуются, в чем-то согласятся, с чем-то поспорят и извлекут пользу из прочитанного. Я потратил много лет на обдумывание и написание этой книги, и дело не только в обширности выбранной темы, но и в том, что психоанализ – это живое, развивающееся направление, которое эволюционирует и претерпевает удивительные перемены, которые мы не сразу осознаем. Теории и техники психоанализа постоянно меняются, и, соответственно, меняются и школы психоанализа, и во время написания книги мне приходилось постоянно держать это в уме.

Я начал психоаналитическое обучение в Психоаналитическом Обществе/Институте Лос-Анжелеса (LAPSI¹) в то время, когда «ортодоксальный» (ид) анализ уходил в тень под натиском американского «классического» анализа, который был известен в этой стране (но не в других) как «эго-психология». Аналитик, у которого я учился, Роберт Джокл, был ортодоксальным фрейдистом и сам обучался в Вене перед Второй мировой войной и проходил анализ у Фрейда. Трое моих супервизоров тоже были «ортодоксами», а четвертый был «классиком». Однако само обучение и семинары постепенно становились все более «классическими». Так что можно сказать, что мое обучение пришлось на переходный период, когда одно течение уступало место другому. После оконча-

¹ LAPSI недавно (2006 г.) соединился с Южнокалифорнийским Обществом и Институтом, от которых откололся давным-давно. Теперь он называется «Новый центр психоанализа» (NCP).

ния института я посещал учебную группу выпускников, многие из участников которой оказались под влиянием Айвена МакГуира (у некоторых он был аналитиком, у некоторых – супервайзером). МакГуир был самопровозглашенным «фэйрбернианцем» или сторонником теории «объектных отношений», а ортодоксальное обучение анализу он проходил под руководством Рихарда Штербы. Я проходил у МакГуира свой второй анализ, который длился шесть лет. После завершения анализа я вместе с другими участниками группы заинтересовался работой Мелани Кляйн и ее последователей и начал перенимать кое-что от них. Среди аналитиков, оказавших на меня влияние, были Герберт Розенфелд, Ханна Сегал, Дональд Мельтцер, Ганс Торнер, Бетти Джозеф и Уилфред Бион.

Вначале их аналитические техники вызвали у меня отторжение, потом я заинтересовался и был очарован их уникальностью. Я помню, что после презентации Бетти Джозеф я впал в продолжительное депрессивное состояние. К тому моменту мой второй анализ давно закончился, но ее презентация пробудила во мне глубокие и древние чувства, что-то такое, что невозможно выразить словами. После этого я проконсультировался с Уилфредом Бионом (прошедшим анализ у Мелани Кляйн), и в течении еще шести лет он был моим аналитиком. От него я узнал, что то, что я почувствовал, не просто невозможно было *выразить словами* – это было нечто *существовавшее до слов*. Проявились отголоски моего опыта преждевременного рождения (я родился в семь месяцев). Вскоре после этого моим супервайзером стал Альберт Мейсон (его аналитиком была Ханна Сегал), приехавший из Лондона в Лос-Анжелес вместе с Бионом в середине шестидесятых, чтобы «подготовить и обучить» тех, кто этого хотел. Я оставался с Бионом шесть лет. Когда из-за его преждевременного (по моему личному предвзятому мнению) отъезда в Англию прервался мой анализ, я продолжил кляйнианский анализ с Альбертом Мейсоном. Мейсон был великолепным «ортодоксальным» кляйнианцем, а Бион, хоть и оставался кляйнианцем, стремился к чему-то выходящему за пределы теорий Кляйн и Фрейда. Следовательно, я могу называть себя «кляйнианцем/бионианцем» (Биону бы очень не понравился термин «бионианец», а Кляйн тем более не согласилась бы с термином «кляйнианец», ведь она всегда считала себя фрейдисткой

[Бион, личное общение, 1989]); а также я могу назвать себя «фэйрбернианцем», «ортодоксом» и «классическим фрейдистом». Я также обучался эго-психологии и «интерсубъективности».

Так как же я, «житель колонии», не обучавшийся в Британском институте психоанализа, набрался смелости и решился написать книгу о кляйнианских/бионианских техниках? Я слишком глубоко пустил корни в Лос-Анжелесе и не мог отправиться на обучение в Лондон, хотя очень хотел (и я завидовал одному своему подопечному, которому это удалось), и мне пришлось довольствоваться тем, что я мог получить в Лос-Анжелесе. С одной стороны, это было для меня *неудачей*, а с другой стороны, именно это стечение обстоятельств было *удачей*, и на это периодически намекал Бион во время анализа. Ведь мне удалось избежать обожествления теорий, которое (по моему мнению и по мнению Биона) было характерным для Британского Института и для многих других обучающих учреждений. При обучении анализу не поощряются другие идеи и подходы. Студенты похожи на будущих священников, они учат свой катехизис, чтобы потом провести священнодействие с пациентами и *сделать это правильно!* С другой стороны, моим аналитиком был Бион, а этим не может похвастаться ни один из известных лондонских посткляйнианцев. Следовательно, я знаком с реальной техникой Биона лучше, чем любой выдающийся посткляйнианец в Лондоне (многими из которых я восхищаюсь и которых чрезвычайно уважаю). У меня есть и еще одно преимущество: я обучался ортодоксальному и классическому анализу и близко знаком с идеями Фэйрберна. Следовательно, я могу считать себя «полиглотом»: я хорошо знаком со «сравнительным психоанализом» и изнутри знаю кляйнианский анализ, в том числе то, что привнес в него Бион.

Опираясь на свой опыт, я могу сказать, что каждый аналитик должен если не бегло говорить на различных языках психоанализа, то хотя бы относиться к ним с уважением. Я рад, что мне удалось изучить столь разные подходы, и хочу поделиться размышлениями, на которые они меня натолкнули. Но в основном я фокусируюсь на кляйнианской, посткляйнианской и бионианской методологиях техники, поскольку именно они характеризуют мою психоаналитическую позицию и именно их я изучал и практико-

вал много-много лет. Я пришел к выводу, что кляйнианская техника, обогащенная плодотворным вкладом Биона, составляет *основную и фундаментальную технику психоаналитического лечения*, поскольку она способна фокусироваться на ранних и частично-объектных (доэдипальных) уровнях архаичной ментальной жизни и рассматривать младенческий опыт в терминах *бессознательной фантазии*. Это особенно относится к вере маленького ребенка в собственное всемогущество и во всепроникающее воздействие на объекты.

Я считаю, что техники других школ вполне валидны, но лучше всего они применимы к отношениям с цельными (отделенными) объектами (а к частично-объектным отношениям применимы хуже). То есть они наиболее эффективны при сепарации-индивидуации с устойчивым объектом или на депрессивной позиции, в период, когда ребенок может признать, что он сам существует отдельно от объекта и объект существует отдельно от него. Возможно, я неверно оцениваю эти техники, так как не практиковал их и потому не могу оценить многие тонкости. То же самое можно сказать и о мнениях, которые высказывали не-кляйнианцы и не-бионианцы. Более того, я считаю, что для того, чтобы понять идеи Биона и его рекомендации, касающиеся техники, нужно очень хорошо изучить кляйнианскую теорию и технику. Пройдя анализ у Биона, я понял, что он был верным последователем Кляйн и именно поэтому расширил и переосмыслил ее теории, не говоря уже о теориях Фрейда.

Многие школы утверждают, что изучили и поняли самые ранние стадии инфантильной жизни. Лично я считаю, что тут очень важно, рассматривают ли аналитики ранний материал как факты или как бессознательные фантазии. Это еще предстоит исследовать. С другой стороны, другие школы могут пролить свет на аспекты, которые кляйнианцы уже давно обходят стороной: например, на травматические отношения в детстве, на разрушительные привязанности, на совместное создание аналитической сессии. Только в последние несколько лет кляйнианцы, посткляйнианцы и кляйнианцы-бионианцы начали исследовать травму. Более того, интерсубъективный подход – новейшая школа психоаналитической мысли – вероятно, начался с концепции Биона об альфа-функции, содержащем и содержимом (Bion, 1959). Эта кон-

цепция является важным компонентом техники лондонских посткляйнианцев и, в особенности, бионианцев.

Когда я говорю о «кляйнианской/бионианской модели», то включаю в нее и «посткляйнианскую модель» – подход тех, кого Рой Шафер (Schafer, 1997) называет «современными лондонскими кляйнианцами». Совместный вклад лондонских посткляйнианцев продолжает оригинальную работу Кляйн, оттачивая теорию и сглаживая острые углы. Эту работу начали Бион и Бетти Джо-зеф. Но Бион, на мой взгляд, не просто «посткляйнианец», он «кляйнианец-ревизионист». Кроме того, теории и техники Кляйн проникли сейчас во все крупные страны и вступили в алхимический процесс ассимиляции, – но остаются при этом продолжением трудов Кляйн; поэтому термин «посткляйнианцы» стоит употреблять только в отношении современных лондонских кляйнианцев и в особенности в отношении Бетти Джо-зеф и ее школы и последователей. Но этот термин может быть неприменим к современным кляйнианцам и бионианцам вне Лондона, – хотя все они с уважением и благодарностью смотрят на лондонских посткляйнианцев, не являясь при этом их последователями.

Первое предостережение. К сожалению, я не читаю на испанском, французском, португальском, немецком и итальянском, и поэтому огромный срез литературы, касающейся развития кляйнианской и в особенности бионианской теорий, прошел мимо меня.

Второе предостережение. Я поддался общей тенденции и использую термины «кляйнианский», «бионианский» и «кляйнианский/бионианский», хотя сама Кляйн обижалась, когда о ее работе говорили подобным образом, и Биону такие термины тоже не нравились (знаю об этом из личного общения). Они оба хотели, чтобы их считали последователями Фрейда, продолжающими развивать теорию психоанализа. Хотя Фрейд заложил основы психоаналитической теории, даже его нельзя назвать родоначальником этого метода², и я думаю, что Фрейд бы с этим согласился. Приклеи-

² Психоанализ, хоть и под другими именами, практиковался в Древней Греции. Практикующие использовали кушетку и применяли техники катарсиса, риторики, диалектики и толкования сновидений (Enralgo, 1970; Simon, 1978).

вание определенного имени к дисциплине сужает ее, уменьшает ее серьезность, важность, охват, жизненность и весомость. Я считаю, что Кляйн придерживалась фундаментальных идей Фрейда точнее, чем большинство ее ортодоксальных и классических последователей, или даже, чем сам Фрейд.

Третье предупреждение. Все, о чем я пишу в этой книге, в особенности все, что касается непосредственно техники, относится к категории *рекомендаций*. Я не претендую на неопровержимость, я лишь хочу помочь и поделиться своим опытом, хотя временами мои высказывания могут звучать категорично. (В детстве я жил в Огайо, в полусельской местности, и помню, как ездил на ярмарку. Фермеры там делились своими техниками посева, а их жены делились кулинарными рецептами. Примерно такой же подход у меня в этой книге.) Я надеюсь, что читатель, которому мой стиль покажется авторитарным, поймет, что это просто проявление моего энтузиазма. По сути я всего лишь «делюсь своими рецептами», рассказываю о своем практическом опыте, но делаю это в признанных рамках постоянно развивающейся кляйнианской и кляйнианской/бионианской техник. Психоаналитическая техника, как и сам психоанализ, никому не принадлежит. Это живая органичная сущность, которая растет, выбирает направления развития, опираясь на тех, кто практиковал ее и изучал. Я предвижу – и даже надеюсь – что когда эта работа будет опубликована и дойдет до читателей, она уже в чем-то устареет. Более того, научные психоаналитические тексты, и клинические, и теоретические, объясняют все с точки зрения усредненной нормы, в то время как у каждого человека есть свои неповторимые отпечатки пальцев и неповторимый узор радужки (и в буквальном, и в метафорическом смысле). Следовательно, эта работа, как и большинство психоаналитических работ, страдает абстракциями и обобщениями, собранными из анализа различных пациентов (моих собственных пациентов и пациентов моих супервизируемых), и она может претендовать только на *приблизительное* понимание состояния психики человека, и уже это понимание можно так или иначе применять к конкретным людям. Более подробно о необходимости гибкого подхо-

да в психоаналитической технике см. у Голдберга (Goldberg, 2000), и я с его подходом полностью согласен.

Четвертое предупреждение. Как я уже говорил, в первом томе рассматриваются почти исключительно только те аспекты кляйнианской и бионианской теории, которые кажутся мне уместными при изучении клинической техники. Из-за ограничений по объему это будет лишь краткий обзор, а не глубокое исследование.

Пятое предупреждение. Читатель может заметить, что в этой книге я не посвятил отдельную главу сновидениям. Я решил, что отдельная глава не нужна, т.к. сновидения разбираются в большинстве глав в обоих томах.

Источники и рекомендуемая литература

Для изучения кляйнианской техники, я рекомендую работу Мелани Кляйн «Нарратив детского анализа: детский психоанализ на примере лечения десятилетнего мальчика» (Klein, 1961) и особенно рекомендую обратить внимание на ее сноски. А также рекомендую работу Дональда Мельцера «Психоаналитический процесс» (Meltzer, 1967). Чтобы детальнее узнать, что думал о технике Биона, стоит ознакомиться со следующими книгами: Антонио Ферро «Психоанализ как терапия и рассказывание историй» (Ferro, 1999), Томас Огден «Беседы на краю сновидений» (Ogden, 2001), «Введение в чтение Биона» (Ogden, 2004) и «Открывая психоанализ заново: мышление и сновидения, обучение и забывание» (Ogden, 2009), а также с моей работой «Луч глубокой тьмы: психоаналитическое наследие Уилфреда Р. Биона» (Grotstein, 2007). Кроме того, что касается широкого охвата психоаналитической техники, очень полезной остается книга Этчегоена «Основы психоаналитической техники» (Etchegoyen, 1991).

Глава 1

МОСТЫ К ДРУГИМ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИМ ШКОЛАМ

Эволюция психоаналитической техники

Первая психоаналитическая теория Фрейда (Freud, 1896d) была ориентирована на реальность и утверждала, что невротические симптомы являются следствием вытесненных травматических сексуальных воспоминаний. Вторая теория Фрейда подчеркивала эффекты врожденной инфантильной психосексуальности, бессознательных фантазий и организационную важность эдипова комплекса. Однако основным новшеством второй теории был психический детерминизм – то есть психическая принадлежность управления (Freud, 1950 [1887-1902], 1905d). Третьей психоаналитической теорией была теория эго-психологии (A. Freud, 1936; Hartmann, 1939). Несмотря на то, что современники-фрейдисты жестоко критиковали Кляйн и считали ее работы ересью, именно концепции Кляйн были тесно связаны с ортодоксальными аналитическими принципами Фрейда – и безусловно являли собой их продолжение, хотя и с расширенным ретроспективным значением ранней оральной стадии. Невероятная ирония заключается в том, что именно работа Кляйн была (и, на мой взгляд, остается) наиболее аутентичным продолжением ортодоксальной фрейдистской мысли, в то время как официальные последователи Фрейда отвергли многие из ортодоксальных принципов. Дэвид Рапапорт (Rapaport, 1959) говорил: «Психология Мелани Кляйн – это не эго-психология, а ид-мифология» (с. 11). Он хотел, чтобы эта фраза звучала уничижительно и саркастически, и понятия не имел, как он был прав и насколько хвалебными были эти его слова в адрес Кляйн. Лишь через долгий срок клас-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru